Санкт-Петербургский государственный университет

ШУБИНА Юлия Олеговна

Выпускная квалификационная работа

Семантическая деривация глаголов с частицей av в современном шведском языке

Уровень образования: бакалавриат

Направление 45.03.02 «Лингвистика»

Основная образовательная программа СВ.5158. «Шведский язык»

Научный руководитель:
доцент,
Кафедра скандинавской и
нидерландской филологии
Лисовская Полина Александровна
Рецензент:
профессор,
Кафедра скандинавской
и нидерландской филологии
Михайлова Ирина Михайловна

Санкт-Петербург

2023

Оглавление

Введение 4

Глава I. Глагол с частицей. Полисемия и семантическая деривация 7

1.1 Глагол с частицей 7

1.1.1 Частица 7

1.1.2 Полисемия глагола с частицей 9

1.1.3 Моносемия глагола с частицей 11

1.1.4 Синтаксический аспект употребления глагола с частицей 13

1.1.5. Интонационное выделение частицы 14

1.1.6 Выводы по разделу 15

1.2 Семантическая деривация и полисемия 15

1.2.1 Критерии выделения значений многозначного слова 18

1.2.2 Глагольная классификация 20

1.2.3 Семы результата и образа действия 26

1.2.4 Валентная структура глагола и инкорпорация 28

1.2.5 Выводы по главе 29

Глава II. Глаголы с частицей *av,* их семантика и некоторые модели семантической деривации 30

2.1 Вводные замечания 32

2.2 Регулярная полисемия. Семантика отделения 34

2.2.1 Первая группа ЛСВ: Ликвидация физического контакта с местом 35

2.2.2 Вторая группа ЛСВ: Утрата физического контакта с местом ... 43

2.2.3 Третья группа ЛСВ: Разграничение пространства 45

2.2.4 Четвертая группа ЛСВ: Ликвидация контакта с местом при движении изнутри наружу 46

Заключение 50

Список использованной литературы 51

Электронные источники 55

Языковой материал взят из 56

Введение

Глагол частицей в скандинавских языках – это часто незаменимый, безэквивалентный способ выражения того или иного смысла, и потому этот элемент речи чрезвычайно важен для овладения этими языками. Однако работы в области дидактической лингвистики не раз доказывали, что именно эта тема вызывает множество затруднений при изучении скандинавских языков. Показательно, например, исследование 2020 года, где сравнивалось количество употреблений глаголов с частицей в электронных текстах подростков, для которых норвежский язык родной, и подростков-билингвов, для которых родной язык – финский, а норвежский – второй. Результаты показали, что подростки-билингвы использовали норвежские глаголы с частицей в среднем на 12% реже [Lieri 2020]. Из года в год подобные исследования проводятся также в финских и шведских университетах на материале шведского языка в рамках выпускных квалификационных работ. Их результаты тоже подтверждают, что скандинавский глагол с частицей – это сложная тема, которую не-носителю трудно освоить полностью.

Не существует словарей, которые охватывали бы все существующие в шведском языке глаголы с частицей и их значения. Составление подобных словарей, впрочем, и не кажется осуществимой задачей, ведь глаголы с частицей нельзя представить в виде списка слов, так как часто они образуются в речи спонтанно или употребляются в новом, переносном значении.

Закономерности, по которым шведские глаголы с частицей могут приобретать новые значения, описаны в научной литературе в очень общих чертах. Но, поскольку, как отмечал еще В.В. Виноградов, «вопрос о путях и возможностях семантического словообразования чрезвычайно важен» [Виноградов 1977: 152], задача описания схем семантической деривации сочетаний глагола и частицы представляется актуальной научной задачей. Таким образом, именно попытка положить начало выявлению подобных схем

семантической деривации глаголов с частицей *av* обуславливает **актуальность** настоящей работы.

Так как в ходе исследования большое внимание было обращено на особенности глаголов с частицей с точки зрения смещения диатезы, то, помимо основных работ по глаголу с частицей (E. Strzlecka, I. Toivonen)**,** в качестве **теоретической основы** для проведения исследования послужили труды Ю.Д.Апресяна, Г.И. Кустовой, Е.В. Падучевой и И.М. Кобзевой.

Объектом исследования настоящей работы являются явление глагола с частицей, составляющее значительную часть от всего словарного состава шведского языка. **Предметом** исследования стали многозначные глаголы с частицей *av*.

Цель работы состояла в том, чтобы вывести некоторые схемы семантической деривации, характерные для глаголов с частицей *av*.

Для достижения этой цели были поставлены следующие **задачи**:

1) ознакомиться с существующими подходами к рассмотрению глагола с частицей;
2) изучить проблематику определения шведской приглагольной частицы как части речи;
3) изучить понятия «семантичиская деривация» и «регулярная многозначность»;
4) набрать материал для исследования, работая со словарем и корпусом шведского языка;
5) проанализировать полученные данные и систематизировать их.

Для поиска **материала** исследования использовался метод сплошной выборки. В работе было рассмотрен 21 глагол с частицей *av*, взятых из «Словаря Шведской академии» и языкового корпуса исследовательского центра «Спрокбанкен Текст».

Метод исследования, на котором выстраивался анализ, восходит к положениям Московской семантической школы [см. Апресян 1995] о том, что

семантические свойства лексики любого языка проявляются в их «языковом поведении», а в случае глагола – прежде всего в его валентной структуре.

Научная новизна настоящей работы состоит в том, что в ней предпринята попытка подойти к вопросу о внутренней структуре и валентностях глагола с частицей с точки зрения диатезы. Также в ходе работы осуществлялся поиск закономерностей, предопределяющих характер взаимного влияния значений глагола и частицы друг на друга.

Теоретическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов и методов анализа глагола с частицей для дальнейшей классификации глаголов с частицей *av*.

Настоящее исследование также представляет **практическую значимость** с точки зрения изучения шведского языка и может быть полезна для более глубоко понимания устройства глаголов с частицей и их функционирования в речи.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованных источников.

Глава I. Глагол с частицей. Полисемия и семантическая деривация

1.1 Глагол с частицей

1.1.1 Частица

Приглагольная частица не редкость для множества различных языков мира: она встречается как в германских и тюркских, так и в романских и венгерском языках [Dehé 2015: 611]. Функции и значения, которые частица может брать на себя, поражают своим разнообразием: некоторые лингвисты в попытке определить частеречную принадлежность частицы относят ее, наряду с междометиями, к словам-предложениям [Гуськова 2020: 396], в тюркских языках выделяют вопросительные и утвердительные частицы [Боргоякова 2019: 102], в скандинавских языках они являются важным инструментом выражения пространственной локализации [Ливанова 1999: 80]. Грамматической традиции романских языков частица как отдельная часть речи чужда, но есть основания считать, что некоторые союзные слова в этих языках перешли в разряд частиц, например союз *et* в классической фразе *Et tu, Brute!* ‘И ты, Брут!’, играет роль усилительной частицы, близкой по значению русскому «даже» [Титов 2002: 120]. Другими словами, такой, на первый взгляд, незначительный элемент языка, как частица, представляет собой широчайший спектр значений, причем как лексических, так и грамматических.

Не менее замысловатым аспектом изучения частицы, чем ее значение, представляется ее синтаксическое функционирование. Так, в русском языке частица воспринимается исключительно как отдельное слово, чье место в предложении определяется более или менее безотносительно места глагола. В английском же языке частица всегда следует за глаголом или за прямым к нему дополнением, если оно имеется. В связи с этим она получила в английской

терминологии наименование «послелога», т.е. как постпозитивный компонент, модифицирующий значение глагола [Богданова 2007: 109]. В отличие от английского языка, в немецком языке приглагольная частица при образовании некоторых форм глагола обязана занимать препозитивное положение [Юшкова 2015: 383]. Отчасти это сходно с поведением частицы и в шведском языке, где при образовании причастий от глаголов с приглагольным компонентом, последний становится префиксом: *slå upp en bok*, ‘открыть книгу’ – *en uppslagen bok* ‘открытая книга’. Как замечает Николь Дех, глагол с частицей функционирует согласно строгой норме, сложившейся в каждом отдельном языке [Dehé 2015: 617].

Не одно десятилетие лингвисты посвящали свои работы подобным относительно свободным и относительно связанным компонентам. В 1980-х годах Л.Тэлми ввел термин «сателлит», предложив идею совместного рассмотрения префиксов и постпозитивных частиц как свободных морфем. Он считал такой подход оправданным, допуская, что влияние этих единиц на семантику глагола тождественно. Он справедливо замечал, что функции предлогов и сателлитов четко различаются, поскольку сателлит представлен приглагольным компонентом, а предлог относится к имени, управляя им [цит. по Массалина 2009: 235-236]. Хотя большинство современных лингвистов эту точку зрения разделяют, в шведском языковедении есть те, кто сомневается, что провести границу между предлогом и производной от него частицы так просто, о чем пишет, в частности, М. Сундман [Sundman 2010: 318].

Об открытом статусе вопроса о характере сочетания глагола и частицы говорит и неоднородность терминологии, применяющейся в этой области. Так, совсем недавно в одном только немецком языке существовало около пяти наименований этого явления [Юшкова 2015: 1]. В сфере изучения английского языка принято говорить о «фразовом глаголе», то есть о глаголе с частицей как фразе, неделимом единстве. В датской научной литературе чаще фигурирует термин «приглагольная частица» (дат. *verbpartikel*), нежели глагол частицей

(дат. *partikelverb*), что свидетельствует о взгляде на частицу как на отдельное, относительно свободно стоящее слово. Очевидно, что для скандинавского языкознания в целом не свойственно рассматривать глагол с частицей как устойчивое, лексикализованное выражение, а, напротив, принято изучать частицу отдельно, насколько это возможно. Этот подход избирает, в частности, Шведская академическая грамматика, хотя и определяет частицу не как часть речи, а как член предложения, а именно как обстоятельство, выраженное частицей (шв. *partikeladverbial*) [SAG 4: 417].

Бесспорно, что не существует однозначного определения частицы ни на уровне типологической лингвистики, ни в рамках отдельно взятого языка и, в частности, шведского. В научной литературе она понимается столь широко, что рассматривается то как морфема, то как часть речи, то и вовсе как член предложения (т.е. как синтаксическая, а не лексическая единица). Все это позволяет сделать вывод, что глагол с частицей – это синкретическое явление, проходящее на границе между лексикологией и синтаксисом.

1.1.2 Полисемия глагола с частицей

Основной пласт глаголов с частицей обнаруживает многозначность. Именно на примере многозначных глаголов нагляднее всего можно представить двойственность рассматриваемого явления, поскольку чаще всего многозначные глаголы предстают переходным звеном от синтаксических (свободных) сочетаний к устойчивым (несвободным). Убедиться в этом можно, проанализировав нижеприведенные предложения с глаголом *att komma ut* (досл. 'выйти').

1. *Jag* ***kom ut*** *och sprang*[1] *'*Я вышел и побежал*';*
2. *Tidningen* ***kommer ut*** *varannan månad* 'Газета выходит раз в два месяца'*;*

[1] Здесь и далее, за отсутствием других примечаний, примеры взяты из языковоых корпусов исследовательского центра «Спрокбанкен текст». URL: https://spraakbanken.gu.se/korp/ (Дата обращения: 13.03.2023)

3. *Jag* ***kom ut*** *som homosexuell* 'Я совершил каминг-аут'.

В приведенных предложениях видна постепенное сращение компонентов сочетания. В примере (1) значение смысл выделенного сочетания легко выводится из семантики составляющих, что характерно для слов, состоящих в синтаксических отношениях. Однако на первой ступени лексикализации из буквального 'выйти' путем метафорического переноса у глагола *att komma ut* возникло значение 'быть опубликованным', проиллюстрированное в предложении (2).

В предложении (3) данное сочетание употреблено в еще менее очевидном значении, синонимичном фразеологизму *att komma ut ur garderoben* 'выйти из шкафа', из которого интересующий нас глагол с частицей и возник в результате лексико-синтаксической компрессии. Наличие кратких вариантов для синтаксически более распространенных фразеологизмов можно зафиксировать и в русском языке, например: *откладывать в долгий ящик – откладывать* (≈ 'отсрочивать'), *крутиться как белка в колесе – крутиться* (≈ 'быть в постоянных хлопотах') [Жуков 2013: 11]. Итак, значение шведского глагола с частицей *komma ut* из предложения (3), подобно русским глаголам *крутиться* и *откладывать,* получают переносное, идиоматическое значение, поскольку их семантика усложняется импликациями, у которых нет экспонентов. Следовательно, семантика подобных сочетаний невыводима из значения компонентов.

Таким образом, проанализировав примеры (1)-(3), можно сделать вывод, что в рамках разных лексико-семантических вариантов (разных означаемых одного означающего, далее – ЛСВ) многозначного глагола с частицей степень лексикализации может варьироваться. Наличие у подобных глаголов переносного, часто устойчивого, значения наряду с прямым обусловлено с тем, что процессы в области семантики глаголов с частицей, как правило, очень активны [Богданова 2007: 110].

Естественно, что лингвистов волнует то, как именно происходит порождение новых значений глагола с частицей. Этому вопросу посвящено

исследование 2013 г. на материале немецкого языка. Авторам удалось вывести некоторые закономерности семантической деривации глаголов с частицей, а в заключении своего исследования они также пришли к выводу, что влияние семантики частицы и глагола друг на друга взаимно, а не односторонне [подробнее см. Springton 2013].

1.1.3 Моносемия глагола с частицей

Хотя огромное количество всех шведских глаголов с частицей характеризуется полисемией, существуют среди них и такие, для которых наличие двух ЛСВ исключено, что обыкновенно связано с моносемией самой частицы. Степень «выводимости» значения однозначного глагола с моносемичной частицей из семантики его компонентов при этом может варьироваться.

Рассмотрим первый случай, когда мотивировка глагола с моносемичной частицей легко доступна для понимания. Для иллюстрации подобного явления хорошо подходит частица *ihjäl* 'насмерть', которая встречается в сочетаниях с различными глаголами как послелог и не может употребляться никак иначе [Toivonen 2003: 23]:

a. Poliserna ***sköt ihjäl*** *mannen* 'Полицейские затсрелили мужчину';

b. Thomas höll på att ***tråkas ihjäl*** 'Томас чуть не умер со скуки'.

Как следует из представленных примеров, данный послелог может употребляться с глаголами различной семантики. Хотя в переносном значении он употреблен скорее как усилительная частица, метафора остается совершенно прозрачной и значение сочетания легко выводимо из значения компонентов по отдельности.

Во втором же случае внутреннюю форму сочетания вывести невозможно (по крайне мере, если смотреть с точки зрения синхронии). Так обстоит дело, в частности, с послелогом *ihåg*. Данный послелог со словообразовательной точки зрения непродуктивен и существует только в идиоматическом сочетании *komma ihåg* 'помнить', этимология которого не прозрачна.

Моносемия глагола с частицей, хотя и часто, но все-таки не всегда обусловлена однозначностью частицы. Существуют в шведском языке и такие сочетания, которые можно было бы отнести к «фразеологическим единствам», то есть к типу сочетаний, в которых сохранился лишь «глухой намек общего значения» [Виноградов 1977: 151]. Рассмотрим следующее предложение:

*Han har **legat i** som en liten blå* 'Он **трудился** как пчелка'.

Здесь семантика глагола *ligga i* ‘энергично работать’, на первый взгляд, не связана с его лексическим составом (досл. пер. 'лежать в'). Однако при заведомом знании смысла этого выражения понять его внутреннюю форму значительно проще (ср. с рус. «весь в работе»).

Из всего сказанного следует, что что глагол с частицей – это неоднородное явление, которому свойственны как семантический сдвиг и идиоматизация с одной стороны, так и синтаксическая продуктивность и относительная самостоятельность компонентов – с другой. Именно в двойственности этого явления кроется причина существования столь отличных друг от друга подходов к изучению глаголов с частицей. Одни лингвисты рассматривают данные сочетания в рамках фразеологии (например [Anward, Linell 1975: 82]), а другие – в контексте продуктивных словообразовательных моделей современного шведского языка (например [Thorell 1984]).

Принимая во внимание, что характеристики глаголов с частицей столь разнообразны, Э. Стшелецкая обозначает два полюса их вариативности. На одном из них располагаются фразеологические сочетания (шв. *lexikaliserade förbindelser*), а на другом – продуктивные синтаксические конструкции (шв. *produktiva syntaktiska nykonstruktioner).* Большинство глаголов с частицей, однако, находятся где-то посередине между этими полюсами [Strzelecka 2003: 14].

1.1.4 Синтаксический аспект употребления глагола с частицей

Стандартный для шведского глагола с частицей порядок слов подразумевает непосредственное следование послелога за глаголом. Затем, если глагол переходный, к сочетанию присоединяется дополнение [SAG 3: 414]. При несоблюдении этих правил глагол с частицей утрачивает свое значение, что и позволяет ряду лингвистов рассматривать данное языковое явление с точки зрения фразеологии.

Таким образом, глаголы с частицей являются синтаксически устойчивыми конструкциями (шв. *syntatiskt sammanhållna konstruktioner*), что подразумевает «полную неизменяемость порядка компонентов или изменение порядка компонентов в рамках вариативности» [Кунин 1972: 8]. Под «вариативностью» в данном случае следует понимать основные законы устройства языка. Например, вынесение глагола в начало вопросительного предложения: в этом случае глагол и частица разъединяются подлежащим без нарушения смысловой целостности фразы:

Hur ***hittade*** *du* ***på*** *det?* ‘Как ты до этого додумался?’

Исследователи, однако, не раз приводили примеры употребления глагола с частицей, на примере которых нетрудно усомниться в непреложности описанных выше правил. Так, несмотря на то что синтаксически устойчивые конструкции обыкновенно утрачивают общее значение при усложнении их структуры модификаторами [Vikner 2016: 235], глаголы с частицей подобное употребление допускают без утраты общего смысла. В данном примере модификатор *mycket* 'очень' разрывает сочетание *tycker om* 'нравится':

Jag ***tycker*** *MYCKET* ***om*** *att sjunga* 'Мне очень нравится петь.'

Уже этот пример служит доказательством того, что частица имеет статус относительно свободной единицы в сочетании с глаголом. Но наиболее убедительно проиллюстрировать относительную синтаксико-позиционную независимость приглагольной частицы позволяют примеры ее топикализации,

так как топикализован в шведском языке может быть лишь самостоятельный неделимый член предложения [Josefsson, Lundin 2018: 59].

Ut *genom den vidöppna dörren mot veranden* ***flödade*** *ett gult ljus.*

'Прямо через настежь распахнутую дверь, ведущую на веранду, разливался желтый свет.'

В «Шведской Академической грамматике» объясняется, что подобное употребление частицы *ut* возможно, поскольку она употреблена в пространственном значении направления, т.е. в своем прямом значении [SAG 4: 426].

Итак, при более пристальном рассмотрении глагола с частицей оказывается, что закономерности, по которым подобные сочетания функционируют в речи и ведут себя относительно других членов предложения, еще не выявлены и нуждаются в анализе.

1.1.5. Интонационное выделение частицы

Распознать частицу, не приняв ее за соответствующий предлог или наречие, позволяет специфический интонационный рисунок, свойственный подобным глагольным сочетаниям, в шведской теринологии его обычно называют фразовым акцентом (шв. o*rdgruppsbetoning)* [SAG 2: 44]. Он подразумевает повышение тона при произнесении частицы. Иногда просодика несет смыслоразличительную функцию, проводя грань между глаголом с частицей и глаголом, за которым следует предложная конструкция. Например, следующее предложение может иметь разный смысл в зависимости от постановки ударения:

Skolans rektor har ***hälsat på*** *honom.*

Если при произнесении основной акцент приходится на смысловой глагол (*har ˈhälsat på),* то предложение переводится следующим образом: «Директор школы поприветствовал его». Если же в глагольном сочетании будет фразовый акцент с повышением тона в момент произнесения частицы

(*har hälsat ´på),* то предложение приобретет иной смысл: «Директор школы навестил его».

Однако нужно иметь в виду и то, что в шведском языке фразовым акцентом могут обладать не только глаголы с частицей и устойчивые выражения, но и другие, нелексикализованные, словосочетания: *att dricka ´vin* ‘пить вино’, *att jaga ´älg* ‘охотиться на лося’ [Anward 1975: 105].

1.1.6 Выводы по разделу

— Итак, глаголы с частицей – это сложное явление, проходящее на границе фразеологии и синтаксиса. Однако современные исследователи все чаще рассматривают глагол с частицей с точки зрения синтаксиса, поскольку очевидно, что частица в ряде случаев обладает относительной синтаксической самостоятельностью.

— На данный момент не существует подхода для последовательного анализа значений многозначных глаголов с частицей, однако очевидно, что процессы в области их семантики очень динамичны и в той или иной мере поддаются системному описанию.

1.2 Семантическая деривация и полисемия

Вторичная номинация представляется «одним из продуктивных способов пополнения словаря любого языка, который при сравнительно ограниченном наборе словообразовательных средств постоянно нуждается в выражении все новых и новых смыслов» [Аминова 1999: 6]. Поскольку лексика как структура языка пребывает в состоянии непрерывноно изменения, задача своевременной лексикографической фиксации нового значения того или иного слова оказывается не такой простой. Кроме того, далеко не всегда вопрос об отделении нового ЛСВ от значения исходной лексемы ставится уже на этапе возникновения нового значения. Напротив, часто одно означающее на протяжении долгого времени существует в сознании носителя как набор

означаемых, между которыми нет как строгой иерархии, так и четко формулируемых дистрибутивных и этимологических отношений.

Принято считать, что при переосмыслении семантики слова производное значение чаще всего является результатом метафорического переноса, поскольку «при всем многообразии семантических истоков наиболее типичным оказывается перенос (действий, состояний) признаков физического мира на мир внутренней, эмоциональной, интеллектуальной деятельности человека» [Хакимзянова 2008: 16]. Но существует и другой вид переноса – метонимический, то есть перенос на основе смежности, а не сходства. Причем, по замечанию Ю.Д. Апресяна, именно метонимический перенос, во-первых, дальше отстоит от омонимии, нежели метафорический перенос (и таким образом, чаще трактуется как полисемия), а во-вторых, чаще служит основой именно для регулярной полисемии [Апресян 1995: 186].

Под регулярной многозначностью глагола понимается совпадение моделей семантической деривации хотя бы у двух слов, не обладающих общим нетривиальным (неэлементарным) признаком. Схематично это можно представить следующим образом: допустим, имеется многозначное слово А со значениями a_x и a_y и многозначное слово В со значениями b_x и b_y. Если a_x и a_y семантически различны в той же степени, что b_x и b_y, но при этом a_x и b_x, а также a_y и b_y попарно не синонимичны, то мы имеем дело с регулярной многозначностью [Апресян 1995: 190-191].

В качестве же примера регулярной полисемии может служить сдвиг диатезы, то есть варьирование синтаксических позиций семантических актантов (ролей) ситуации. Этот способ образования новых значений слов пригождается человеку, когда он ощущает необходимость выстроить новую иерархию семантических актантов ситуации: повысить ранг одних ролей, а другие, исходно более значимые роли, оставить на периферии. Приведем примеры схем регулярного смещения смещения диатезы:

Схема деривации:	А. Роль «инструмент»: косвенное дополнение → подлежащее	Б. Роль «вещество»: косвенное дополнение → прямо дополнение
Пример 1.	Она хорошо посушила волосы **феном**.	Валя вытерла стол от **пыли**.
	Фен хорошо посушил ей волосы.	Валя вытерла **пыль** со стола.
Пример 2.	Легко разрезать томаты острым **ножом**.	Она метет двор («от сора» опускается).
	Острый **нож** легко разрезает томаты.	Она метет **сор** со двора.

Примеры в столбце (А) демонстрируют типичную схему сдвига диатезы, при котором актант со значением «инструмент» перемещается со свойственной ему синтаксической позиции косвенного дополнения на место субъекта (подлежащего), несмотря на то что источником энергии для осуществления действия остается человек.

В столбце (Б) сдвиг диатезы проходит в позициях прямого и косвенного дополнений. Стандартное построение фразы при описании ситуации устранения нежелательного вещества предполагает в позицию прямого дополнения помещать актант со значением «место». Но в результате сдвига диатезы в этой позиции может оказаться актант со значением «вещество». Подробный анализ различных, часто более замысловатых, схем семантической деривации проделан в [Кустова 2004].

Помимо регулярной, существует и нерегулярная полисемия, при которой границы разных значений одного и того же слова настолько размыты, что отделить их друг от друга представляет большую сложность не только для носителей языка, но и для лингвистов. О критериях разграничения разных ЛСВ одного слова пойдет речь в следующем параграфе.

1.2.1 Критерии выделения значений многозначного слова

При решении конкретных задач, связанных с вопросами лингвистической семантики и лексикографии, проблема отнесения нетождественных употреблений одного и того же слова к одному или разным узуальным значениям обсуждалась не раз. На данный момент не существует однозначных критериев и четкого алгоритма для разграничения разных ЛСВ одной лексемы, и в каждом отдельном случае решение принимается индивидуально. И.М. Кобзева [см. Кобзева 2000: 162-167] выделяет пять основных факторов, которые нужно иметь в виду, принимая решение о разграничении разных значений многозначного слова:

1. **Степень различия денотатов и сигнификатов** (она может быть высокой даже при сохранении значительной общей части означаемого).

(1) Петя высунул язык.

(2) Иванов отвел языка в штаб отряда.

(3) На второе подали отварной язык с горошком.

Так, в предложениях (1) и (2) представлены два разных значения одной лексемы. Этот вывод основан на том, что степень различия денотатов и сигнификатов данных лексов велика, что на уровне грамматики находит отражение вразличиях по категории одушевленности. Однако как при сравнении примеров (1) и (3) большинство ученых говорили бы лишь о вариантах одного и того же значения, поскольку разница между ними не столь существенна;

2. **Семантическая сочетаемость**. В словосочетании «владеть пятью языками» существительное понимается нами именно как ‘система знаков’, но не как часть тела или одушевленное лицо. Глагол «владеть» требует объекта со значением либо вещи, представляющей большую ценность, либо инструмента, либо способности. Из возможных для данного глагола семантических актантов существительное «язык» может занять роль «способности», поэтому интерпретируется нами в данном значении;

3. **Парадигматические отношения словоупотребления**. Понятие лексической парадигмы основано на противопоставлении элементов лексического состава языка, которыми выступают ЛСВ. Приведем несколько основных типов парадигматических лексических отношений:

— Привативная оппозиция подразумевает отношения родового и видового понятий, то есть гиперонима и гипонима. Например: говорить – лепетать, утверждать; спать – дремать, клевать носом. Родовое понятие для таксономического класса глагола также называют ядерным значением;

— Эквиполентная оппозиция характерна для слов, стоящих на одной ступени в иерархии, таких как синонимы, антонимы, паронимы. Именно такие отношения существуют между разными значениями многозначного слова, их также называют отношениями пересечения. Например: Маша **подходила** к станции – Поезд **подходил** к станции;

— Дизъюнктивная оппозиция – это отношения взаимного исключения. Например: «Они плавали в море и в темах своих научных работ». Это предложение звучит не вполне узуально, поскольку по умолчанию от говорящего ожидается, что в каждом конкретном словоупотреблении глагола «плавать» он будет подразумевать либо прямое, либо в переносное значение, но не оба одновременно. При помощи нарушении лексической дизъюнктивной оппозиции сочиняются каламбуры [Булыгина, Крылов 2016];

4. Наконец, **(морфо-)синтаксическая сочетаемость**. Этот фактор проистекает из гипотезы о том, что на основе группы фраз с данным (графическим) словом можно вывести ряд дистрибутивных формул, каждая из которых будет соответствовать разным значениям этого слова. Пытаясь проделать подобную процедуру с русским глаголом «ронять» И.М. Кобзева подвергает проверке разные способы выведения подобных формул. Переменными выступают синтаксические актанты ситуации (причем по умолчанию принимается, что они выражены именными частями речи), у них

проставляются возможные грамматические значения. Учитывается либо оппозиция по субъективной категории падежа (i-iii):

i. $N^1_{Им.} – N^2_{Вин.}$ Он роняет слова (книгу, авторитет…)

ii. $N^1_{Им.} – N^2_{Вин.}$ из $N^3_{Род.}$ Он роняет книгу из рук (слезы из глаз)

iii. $N^1_{Им.} – N^2_{Вин.}$ на $N^3_{Вин.}$. Он роняет книгу на пол (голову на грудь)

etc.

либо по субъективно-объективной категории одушевленности-неодушевленности (iv-vi):

iv. $N^1_{одуш.} – N^2_{неодуш.}$ Оля роняет книги, слезы; птица роняет оперение

v. $N^1_{неодуш.} – N^2_{неодуш.}$ Лес роняет листья, колокол роняет звон.

Из приведенных формул и речевых иллюстраций к ним видно, что, во-первых, разные формулы могут подходить для одного и того же значения глагола (например, с актантом «книга» под пунктами i и ii), а во-вторых, одна и та же формула может описывать разные значения глагола (пункты ii, iii, iv, v). Таким образом, этот метод не приносит желаемых результатов.

И.М. Кобзева приходит к выводу, что переменные в подобных формулах не могут быть определены лишь в рамках грамматических значений, и поэтому для совершенствования формул она прибегает также к ограничениям возможных семантических значений переменных.

Логично предположить, что если семантику какого-то глагола можно разложить на формулы, то некоторые из них совпадут с формулами тех или иных ЛСВ совершенно другого глагола. Следовательно, значения глаголов можно хотя бы отчасти систематизировать, или классифицировать.

1.2.2 Глагольная классификация

Вопрос глагольной классификации, поставленный еще в середине XX в., до сих пор остается неразрешенным окончательно. Одно из главных препятствий на пути к системному изучению семантических значений глагола заключается в том, что некоторые глаголы обладают столь сложной конфигурацией компонентов толкования, что не могут быть отнесены лишь к

одному классу. В [Levin 2009, Lecture 1: 7] вниманию представляется наглядная иллюстрация этого утверждения на примере двух лесико-семантических вариантов (ЛСВ) английского глагола *bake*:

a. *bake* как изменение состояния: 'каузировать изменение состояния объекта, поместив его в разогретую духовую печь'.

Sam baked the potatoes for an hour at 375F, 'Сэм выпекал картофель на 190°C в течение часа';

b. *bake* как созидание: 'каузировать возникновние чего-то, используя разогретую духовую печь'.

Sam baked a cake for Chris, 'Сэм испек торт Крису'.

Несмотря на то, что ЛСВ очень близки по значению, при различных синтаксических построениях выясняется, что смещение диатезы, свойственное для одного ЛСВ, невозможно для другого:

1. Роль «объект»: прямое дополнение → подлежащее.
   a. ЛСВ изменения состояния:

*Sam baked **potatoes** at 375F. – **Potatoes** bakes at 375F.*

‘Сэм выпекал картофель на 190°C’. – ‘Картофель выпекался на 190°C’.

   b. ЛСВ созидания:

*Sam baked **a cake** for Chris. – ***A cake** baked for Chris.*

‘Сэм испек торт Крису’. – *‘Торт испекся Крису’.

2. Роль «бенифициар»: предложная конструкция → Датив.
   a. ЛСВ изменения состояния:

*?Sam baked potatoes at 375F **for Chris.** – *Sam baked **Chris** potatoes at 375F.*

? ‘Сэм выпекал картофель на 190°C для Криса’. – *‘Сэм выпекал Крису картофель на 190°C’.

   b. ЛСВ созидания:

*Sam baked a cake **for Chris**. – Sam baked **Chris** a cake.*

‘Сэм испек торт для Криса’. – ‘Сэм испек Крису торт’.

Для наглядности представим результаты этого «теста» глаголов в виде таблицы:

Вид диатезы класс глагола	*bake* (изменение состояния)	*bake* (созидание)
Роль «объект»: Прямое дополнение → Подлежащее	да	нет
Роль «бенифициар»: Предложная конструкция → Датив	нет	да

Несмотря на то что в любой классификации некоторые глаголы неизбежно занимают промежуточное положение, тяготение этой части речи к семантическим разрядам, которые в свою очередь выстраиваются между собой в определенную иерархию, представляются очевидным фактом [Золотова 1998: 65].

Значительный вклад в разработку метода семантико-синтаксической классификации глагола внес специалист по философии языка З. Вендлер, хотя его фокус был направлен в большей степени на аспектуальные и темпоральные категории этой части речи [см. Vendler 1967]. В статье «Глаголы и времена» он выделяет четыре глагольных разряда: *activities, accomplishments, achievements, states*. Впоследствии разряды Вендлера послужили основой для разработки новой классификации, куда входило уже пять таксономических, или акциональных, класса глагола, а именно: деятельность, действие, происшествие, процесс и состояние. Новая классификация отличалась от вендлеровской тем, что в ней словоформы одной лексемы могли относиться к разным разрядам. С некоторыми дополнениями Е.В. Падучевой и Р.И. Розиной

[Падучева, Розина 1993: 6-7] и данными из системы «Лексикограф»[2] эта классификация приведена ниже:

1. **Деятельность** (англ. *activity*). Обязательным критерием для причисления глагола к этой категории является присутствие в ситуации действующего субъекта. Деятельность является семантическим примитивом, то есть неразложимой составляющей семантики глагола. Хотя у деятельности и может быть цель (например, цель деятельности с номинацией *гулять* – получение удовольствия), при ее достижении деятельность не прекращается.

2. **Действие** (англ. *accomplishment*) близко деятельности в силу наличия в ситуации роли активного агенса, оно отличается наличием конечной (дискретной) цели и, таким образом, уже не является примитивом. Другими словам, действие – это деятельность, которая окончится, когда желаемый результат будет достигнут (англ. *to run a mile* ‘пробежать милю’).

В [Фурер 2005] защищается тезис, согласно которому глаголы действия подразделяются на три семантические субкатегории:

1) Креативные глаголы, или глаголы созидания;
2) Деструктивные глаголы, или глаголы уничтожения;
3) Трансформативные глаголы, или глаголы изменения.

Однако в зависимости от точки зрения на ситуацию или при варьировании пропозиции (сложные примеры варьирования пропозиции проанализированы, например, в [Плотникова 2007]) эти субкатегории могут становиться эквивалентными.

3. **Происшествие (событие)** (англ. *event*) – это также семантический примитив. Оно подразумевает инактивное действие формального субъекта. Однако, хотя действие субъекта и инактивно, оно может изменить состояние формального объекта ситуации (опять же, нецеленаправленно, ненамеренно). Происшествиями являются ситуации, заданные глаголом «кашлянуть» или предикативной группой «мастер натер мозоли на руках».

---

[2] Семантический словарь, представленный в виде базы данных. Был разработан под руководством Е.В. Пдучевой

4. **Процесс** (англ. *process*) – это инактивная (неагентивная) деятельность, например: *снег постепенно покрывает поля*.

5. **Состояние** (англ. *state*) выражает нединамичный процесс или деятельность, например: *дети плотной толпой окружают елку* или *мы опаздываем.*

При сравнении данной классификации с той, которую изначально предложил Венделер, можно заметить, что класс *achievement, 'достижение'*, был заменён двумя другими: процессом и событием, которые, однако, передают несколько иное значение, нежели достижение.

6. **Достижение** же в какой-то степени близко к классу «действие», поскольку тоже предполагает цель. Разница заключается в том, что при достижении момент кульминации назван иным глаголом или другой словоформой, чем деятельность/действие, которые способствовали достижению конечной точки. Для иллюстрации глагола достижения снова обратимся к примерам из лекций Б. Левин [Levin 2007, Lecture 2: 4]:

(4) *Smith* ***climbed*** *the mountain in six hours*, 'Смит **взбирался** на гору шесть часов'.

(5) *Smith* ***reached*** *the summit in six hours*, 'Смит **достиг** вершины/ **взобрался** на вершину за шесть часов'.

Из примеров видно, что в русском языке разница между «действием» и «достижением» может быть передана как глаголами с разной корневой морфемой, так и видом глагола: несовершенным в первом случае и совершенным во втором. Однако в английском и шведском языках грамматической категории вида нет, поэтому эксплицировать различие между действием и достижением удается, как правило, именно с помощью выбора разных лексем.

Хотя разграничения между глаголами действия и достижения на грамматическом уровне в шведском языке проявляется слабо, оппозиция двух других классов, а именно «Деятельность» и «Действие», до какой-то степени грамматикализована и поддается описанию. Способ дифференциации этих

классов заключается в использовании разных временных предлогов с одной и той же словоформой. Предлог *i* употребляется, если глагол обозначает деятельность, а предлог *på* используется с глаголами действия:

(6) *Mamma stod och tvättade fönsterna* ***i*** *flera timmar*, ‘Мама несколько часов стояла и мыла окна’.

(7) *De tvättade bilen* ***på*** *en halvtimme*, ‘Они помыли машину за полчаса’.

Но не только предлог указывает в предложении (7) на продолжительный характер ситуации (а продолжительность характерна для деятельности, а для действия), но и статуальный глагол *stå,* ‘стоять’. Он а не реализует здесь свое основное значение специфического положения в пространстве, а выполняет структурную функцию и является служебным словом, вспомогательным глаголом при полнозначном глаголе со значением 'мыть', Поэтому можно сказать, что в данном случае аспектуальные значения предикатов передаются в том числе с помощью их форм, поскольку, как было упомянуто выше, разные словоформы одной и той же лексемы могут относиться к разным классам.

И все же самым явным индикатором принадлежности глагола к какому бы то ни было классу в германских языках является корень лексемы. Поэтому часто одной видовой паре русского глагола в этих языках соответствует ряд синонимов. Показательным примером служит русский глагол «плавать», соответствующий целой группе разных германских глаголов, отличающихся друг от друга именно с точки зрения Т-категории (т.е. таксономические категории): англ. *to swim,* шв. *att simma* – активное плавание, деятельность; *to drift,* шв. *att driva* – инактивное плавание, процесс; *to float,* шв. *att flyta* – статичное положение на воде, состояние [Рахилина, Резникова 2003: 12].

Давая характеристики классам глаголов, мы часто оперировали понятием «результат», не сопроводив его точным определением, потому что значение этого слова понятно интуитивно. Действительно, несмотря на то, что результативность – это одна из ключевых концепций для существующих на

данный момент глагольных классификаций, лингвисты оставляют за скобками вопрос о том, что результативность есть вообще.

Некоторую ясность, однако, вносит дихотомия результата и образа действия в семантике глагола. Ей и будет посвящен следующий параграф.

1.2.3 Семы результата и образа действия

Под термином «глаголы образа действия» понимаются такие глаголы, которые не направлены на результат или не предполагают, что он обязательно будет достигнут. Другими словами, это глаголы, обозначающие деятельность или процесс, но не действие как таковое.

Классическим сравнительным анализом глагола образа действия и глагола результата действия является работа [Fillmore 1970], где Ч. Филлмор с помощью синтаксических построений доказывает, что значение глагола непосредственно влияет на его синтаксические и морфологические свойства. Аргументацию он строит на примере двух глаголов: *hit,* ‘бить’ (глагол образа действия) и *break*, ‘ломать’ (глагол результата действия). Хотя следующие предложения не демонстрируют разницы синтаксического поведения упомянутых глаголов, здесь со всей очевидностью проступает основное различие в их семантике:

1. a. *The rocks **hit** the windshield, but luckily it wasn’t damaged*, ‘Камни **ударили** по лобовому стеклу, но, к счастью, оно осталось целым’.

b. * *The rocks **broke** the windshield, but luckily it wasn’t damaged*, ‘Камни **разбили** лобовое стекло, но, к счастью, оно осталось целым’.

Действие «ломать» непременно влечет за собой изменение состояния другого объекта, тогда как действие «ударить» необязательно имеет какие бы то ни было последствия.

Тем не менее, часто определенный вид деятельности ассоциируется у людей с тем или иным конечным результатом: например, кажется, что результатом деятельности «мести пол» обязательно является состояние «пол чистый», однако в данном случае важно учитывать, что достижение результата

«пол чистый» – это лишь один из вариантов развития событий. Это можно доказать с помощью следующего предложения:

2. *Tracy just* ***swept*** *the floor, but there are still crumbs on it,* ‘Трейси только что подмела пол, но крошки остались на месте’.

Поскольку приведенное предложение не вызывает логического противоречия, можно заключить, что глагол *sweep*, ‘мести’, обозначает образ, а не результат действия [Beavers 2012: 335].

Безусловно, что семантика глагола может совмещать и сему образа действия, и сему результата. В таких случаях сему образа действия несет именно корневая морфема глагола [ibid. 352], а благодаря аффиксам или частицам они получают «семантическое приращение» (по [Кустова 2004]) в виде семы результата:

3. англ. a. *to melt* ‘таять’ – *to melt* ***away*** ‘растаять’
   b. *to rust* ‘ржаветь’ – *to rust* ***away*** ‘проржаветь’
   c. *to rot* ‘гнить’ – *to rot* ***away*** ‘прогнить’
4. нем. a. *kämpfen* ‘бороться’ – ***er****-kämpfen* ‘завоевать’
   b. *tappen* ‘ощупывать’ – ***er****-tappen* ‘взять’

Согласно Л. Талми, все приведенные английские глаголы с частицей *away,* ‘прочь’*,* имеют нетривиальное общее значение, объединяющее их как гипонимов глагола результата *disappear*, ‘исчезать’. Другими словами, они сообщают, что нечто исчезло, подспудно уточняя, какой процесс этому событию предшествовал. Аналогичным образом Талми объединяет немецкие глаголы с приставкой ***er-*** под гиперонимом *obtain*, ‘овладеть’ [Talmy 2000: 151].

Наконец отметим, что глагол результата типа «исчезать» может называться к о н с т а т и р у ю щ и м по отношению к и н т е р п р е т и р у ю щ и м глаголам «растаять», «проржаветь», «прогнить», как и «овладеть» по отношению к глаголам «завоевать» и «взять» [по Кустова 2004].

Итак, возвращаясь к глаголам Филлмора и конкретно к примеру (1a) отметим, что в том числе и у события, названного глаголом *hit,* потенциально все-таки может быть результат, в частности, любое из следующих состояний:

«лобовое стекло поцарапано/треснуто/ разбито и т.п.». Дело скорее в том, что глагол *hit* в отличие от глагола *break*, не подразумевает переход стекла в какое-то конкретное состояние, а оставляет результат неоднозначным.

1.2.4 Валентная структура глагола и инкорпорация

С одной стороны, глагол, являясь ядром большинства высказываний, задает основные «параметры» описываемой ситуации, и в частности, определяет количество и семантику актантов, требующихся для ее понимания. Но с другой стороны, глагол не охватывает ситуацию полностью. Напротив, он представляет ее лишь с определенного ракурса и, высветляя одни нюансы, другие оставляет в тени. Однако человек, обладая экстралингвистической информацией, способен «достроить» у себя в голове недостающие элементы, поскольку в его сознании существует т.н. Когнитивная модель ситуации (по [Кобзева 2000]). Так, во фразе «он сел на лошадь» не упомянуто, что человек взобрался на спину животного, однако очевидно, что имеется в виду именно это [Кустова 2004: 36-38].

Как правило, не все семантические актанты ситуации, или роли, бывают представлены синтаксически. Среднестатистический глагол предполагает наличие 3-4 синтаксических актантов, хотя при реконструкции когнитивной модели ситуации, которую описывает данный глагол, можно насчитать более десятка семантических актантов.

Актантная структура глагола упрощается в том числе благодаря лексико-синтаксической компрессии, в результате которой усложняется семантика самого глагола. Одним из способов лексико-синтаксической компрессии является инкорпорация актантов в морфемную структура глагола [Grimshaw 2005: 82].

Так, например, взаимный залог, или реципрок, при котором происходит совпадение группы субъектов с группой объектов, маркируется в шведском языке окончанием -s: *följas åt*, ‘идти друг с другом, сопровождать друг друга’. Кроме того, семантический актант может быть выражен в корне, что

характерно, в частности, для отымённых глаголов: шв. *sabla ner,* ‘отрубить саблей’ (где сабля – это инструмент) или рус. пригвоздить, ‘прибить гвоздями’ (где гвозди – это средство). Причем в результате семантической деривации на основе метафорического переноса глагол в новом значении нередко задает ситуацию, в которой участие фигурирующего в корневой морфеме предмета уже не предполагается: шв. *Hennes måleri chockade samtiden och konstkritikerna* ***sablade ner*** *henne,* ‘Ее живопись шокировала современников, а искусствоведы **разносили** ее саму в пух и прах’, или «Одним ударом копья я могу **пригвоздить** его к земле» [1Ц 26:8].

1.2.5 Выводы по главе

— На данный момент не существует единой классификации глаголов, но в области лексикологии сформировался терминологический аппарат, позволяющий отнести тот или иной глагол к одной из таксономических категорий. Основными из них являются категории деятельности, действия, события, процесса, состояния и достижения;

— Характеризуя семантику глагола, важно учитывать семы результата и образа действия, поскольку они влияют как на валентную структуру глагола, так и на его деривационный потенциал;

— При добавлении частицы глагол может сменить таксономический класс, в которому относится;

— Синтаксические валентности гораздо малочисленнее семантических валентностей глагола. Однако в сознании человека существует «когнитивная модель ситуации», которую задает глагол, из-за чего валентности, которые не выражены синтаксически, могут повлиять на характер семантической деривации этого глагола.

Глава II. Глаголы с частицей *av,* их семантика и некоторые модели семантической деривации

В первой главе мы попытались подробно описать проблему определения частеречной принадлежности шведской приглагольной частицы. Это комплексная проблема, которую можно разложить на несколько пунктов:

1. Разнородность генетики частицы. Приглагольная частица может происходить либо из имени (*läsa ´färdigt*, ‘дочитать’), либо, что встречается чаще, из наречия (*gå ´ner*, ‘снижаться’) или предлога (*fylla ´i*, ‘заполнять бланк’). Главный критерий, объединяющий подобные сочетания в один класс языковых явлений и сигнализирующий о том, что второй компонент имеет статус частицы, – это особый просодический рисунок, при котором акцент падает на послелог, а не на сам глагол.

2. Неопределенные синтаксические отношения глагола с частицей. Это касается как компонентов внутри сочетания, так и сочетания как единого целого по отношению к другим членам предложения.

Основное правило гласит, что приглагольная частица должна следовать сразу за глаголом, к которому относится, иначе их общая целостность утрачивается. Однако в научной литературе были описаны случаи топикализации частицы, не нарушавшие единства сочетания и, таким образом, противоречащие основному правилу. В «Шведской Академической грамматике» объясняется, что топикализация частицы возможна, если она употреблена в прямом значении [SAG 4:426]. Но возникает несколько вопросов:

— Какое значение частицы можно считать прямым?

— Может ли у частицы быть несколько прямых значений?

Также важно напомнить о статье М. Сундман [Sundman 2010], где она рассуждает о том, насколько оправдано считать послелоги частицами, и приводит примеры предложений, где постпозитивные служебные слова при глаголе можно интерпретировать одновременно и как частицы, и как предлоги, управляющие именными частями речи. До нее аналогичное наблюдение было сделано в [Norén 1995: 322]:

*a. Hon **la i** tvätten*. 'Она загрузила белье'.

*b. Hon **la** tvätten **i** maskinen.* 'Она загрузила белье в (стиральную) машину'.

Сопоставив два предложения между собой, можно увидеть, как сочетание глагола и частицы из примера (a) «раскладывается» в предложении (b) на составляющие. Послелог, таким образом, становится частью предложной группы *i maskinen* 'в машину'. Разрыв связи глагола и частицы, однако, не меняет смысл высказывания.

В ходе работы мы предприняли попытку приблизиться к ответам на поставленные выше вопросы и определить, с чем связан синкретизм явления, который в русской традиции принято называть «приглагольной частицей». Частица *av* была избрана предметом исследования в силу своей частотности и малой изученности на момент написания работы.

Поиски научной литературы, где затрагивалась бы семантика шведской частицы *av,* не увенчались успехом. В «Словаре Шведской академии» (о котором речь пойдет ниже) данное слово значится как наречие и предлог. Всего у него зафиксировано 9 значений, не считая побочных. Каждое из значений в каком-то отношении представляется переносным, поэтому прямое значение этого слова вычислить трудно.

Так, словосочетания: *resultatet av undersökning* ‘результат исследования’, *lida av huvudvärk* ‘страдать от головной боли’, *ring av guld* ‘кольцо из золота’, – все являются примерами использования предлога *av* в первом значении, которое объясняется следующим образом: *med utgångspunkt eller ursprung i*, ‘исходная точка или источник которого находятся в’. Тем временем

словосочетание *livet målade han* ***av*** *vardagsföremålen*, ‘он срисовывал жизнь с повседневных вещей’, согласно словарю, имеет отношение уже к другому значению предлога (*med inriktning på föremålet för verksamheten*, ‘по направлению к предмету деятельности’), что, на наш взгляд, не вполне очевидно. Более ясное, хотя и неполное, определение этой частицы дает У. Торелль, объясняя, что она имплицирует семантику отделения [Thorell 1981: 56].

Естественно, что значение *av* как предлога и наречия во многом абстрактно и не только не имеет, но, вероятнее всего, и не может иметь точного определения, однако для нашего исследования это представляло проблему, в связи с которой были поставлены следующие вопросы:

— Какое из значений этого слова можно считать прямым?

— С какими глаголами *av* может выступать в «прямом» и «переносном» значении?

— Как разные значения частицы *av* могут быть связаны между собой?

Ответы на эти вопросы мы пытались найти в ходе исследования.

2.1 Вводные замечания

Исследование проводилось одновременно на материале «Словаре Шведской академии» (шв. *Svenska Akademiens ordbok*) и языковых корпусов исследовательского центра «Спрокбанкен Текст» (шв. *Språkbanken Text*), функционирующего при Гётеборгском университете.

«Шведский Академически словарь» является богатым источником знаний о лексическом составе шведского языка. Словарные статьи не только включают в себя емкие описания значений слов, но и сопровождаются одним или несколькими примерами употребления, а также представляют сентенционную форму каждого из указанных значений. Сентенционная форма учитывает категорию одушевленности-неодушевленности актантов ситуации и при необходимости – число, но не семантически признаки. В качестве

примера приведем сентенционную форму из словарной статьи к глаголу *flytta*, ‘переезжать’ (переменные, заключенные в скобки, являются сирконстантами, то есть могут опускаться):

— NÅGON flyttar (isär)

КТО-ТО разъезжается (частица)

Стоит отметить, что в последней сентенционной форме допущена неточность, поскольку глагол со значением ‘разъезжаться’ требует субъекта во множественном числе. Обычно категория числа актантов в «Шведском академическом словаре», как уже было сказано, учитывается, что видно, например, из словарной статьи глагола *skilja sig*, ‘разводиться’:

— NÅGRA skiljer sig

КТО-ТО$_{мн.ч.}$ разводится

Этот пример показывает, что несмотря на очень высокое качество составления словаря, мы не можем полагаться на него всецело. Кроме того, в ряде случаев лексикографические описания не являются исчерпывающими, что можно проиллюстрировать, в частности, на примере глагола *gifta sig*, ‘жениться, выходить замуж’, который с конца XX в. стал употребляться в новом контексте, упущенном из внимания шведской лексикографии:

(8) *Låt såsen dra i några timmar innan servering så att smakerna hinner* ***gifta sig***, ‘Перед подачей оставьте соус на несколько часов, чтобы вкусы **успели пожениться** (т.е. начали гармонично сочетаться друг с другом)’.

[Petersson, Sköldberg 2021: 159]

С данным глаголом произошла семантическая деривация на основе метафорического переноса, затронув сентанционную форму таким образом, что прежде строго одушевленные актанты сменились на неодушевленные: кто-то поженился → что-то «поженилось».

Исходя из рассуждения, что словарь может не предоставить всей информации о слове, для чистоты эксперимента были использованы следующие корпусы исследовательского центра «Спрокбанкен текст»:

— Skönlitteratur – Корпус художественной литературы

— Medicinska texter – Корпус медицинских текстов (в частности, газет, посвященных медицине)

— Tidskrifter – Корпус текстов из периодических изданий

— Nyhetstexter – Новостные тексты

Поскольку всего в этих корпусах регистрируется более 100 млн. токенов, выдачи по запросам, содержащим глагол с частицей, часто были представлены в колоссальном количестве (иногда более 7 тыс. выдач). В таких случаях для анализа отбиралось около 150 предложений.

1. На стадии первого этапа работы происходил поиск языкового материала для исследования. В «Шведском Академическом словаре» зарегистрировано свыше 150 глаголов с частицей *av.* Поскольку исследование требовало как глубокого анализа семантики каждого глагола и его компонентов по отдельности, так и рассмотрения большого количества примеров их употребления из корпуса, языковой материал был сужен до глаголов, у которых в словаре уже зафиксирована многозначность. Их количество составило 48 лексем.

2. Затем производился поиск этих глаголов по корпусу с целью выявить особенности их употребления.

3. Затем полученные данные анализировались и приводились в систему.

2.2 Регулярная полисемия. Семантика отделения

В первую очередь фокус исследования был направлен на поиск лексем, где частица *av* представала бы в своем буквальном значении, которое нам, как было сказано выше, точно не было известно. Не вызывал сомнений тот факт, что внимание нужно обратить на глаголы, семантика которых, во-первых, лежит в области физической реальности, и во-вторых, выводится из

совокупности значений каждого отдельного компонента. В языковом материале нашлось 21 такой глагол. Все они обладали семантикой отделения, однако их значения и актантные структуры существенно отличались друг от друга, поэтому мы разделили все эти глаголы на 4 группы по семантико-синтаксическим критериям.

2.2.1 Первая группа ЛСВ: Ликвидация физического контакта с местом

Это самая многочисленная из выделенных нами групп. ЛСВ здесь объединяет общая внутренняя структура, включающая в себя переходный глагол образа действия и частицу *av* в значении ‘ликвидация физического контакта’. Схематично эту структуру представим так:

$$V_{\text{<перех.+образ действия>}}\ av_{\text{<ликвидация физ.контакта>}}.$$

Общее нетривиальное значение ЛСВ этой группы можно охарактеризовать так: каузация ликвидации непосредственного физического контакта способом, указанным в корне глагола.

Во-вторых, все ЛСВ этой группы в той или иной степени сближает схожие модели семантической деривации на основе диатетического сдвига.

Описание глаголов

Всего в материале исследования нашлось 11 таких ЛСВ. Мы разделим их на две подгруппы:

1 подгруппа глаголов		**2 подгруппа глаголов**	
глагол	**значение**	**глагол**	**значение**
dra av	‘стянуть’	*bryta av*	‘отломить’
klä av	‘снять’ (одежду)	*bita av*	‘откусить’
koppla av	‘отсоединить’	*skära av*	‘отрезать’
lasta av	‘разгрузить’	*slå av*	‘сбить’
spänna av	‘отстегнуть’	*såga av*	‘отпилить’
ta av	‘снять’		

Деление на подгруппы необходимо, поскольку аргументировать принадлежность исходных глагольных компонентов (т.е. глаголов без частицы) к классу «глаголы образа действия» мы будем по-разному.

1ая подгруппа. У ЛСВ первой подгруппы глагольный компонент удовлетворяет определению «глагола образа действия» на том основании, что при смене частицы *av* на другую, антонимичную частицу, результат действия, обозначаемый любым из ЛСВ этого подкласса, меняется на прямо противоположный, хотя при этом и достигается приблизительно тем же образом:

· *dra* ***av*** ‘стянуть’ – *dra* ***på*** ‘натянуть’: *dra av/på vantarna*, ’стянуть/натянуть варежки’;

· *klä* ***av*** ‘снять’ – *klä* ***på*** ‘надеть’: *klä av/på sig*, ‘раздеться/одеться’;

· *koppla* ***av*** ‘отсоединить’ – *koppla* ***ihop*** ‘соединить’: *koppla av/ihop järnvägsvagnarna*, ‘отсоединить/соединить вагоны поезда’;

· *lasta* ***av*** ‘разгрузить’ – *lasta* ***på*** ‘нагрузить’: *lasta av/på ett fartyg*, ‘разгрузить, загрузить судно’;

· *spänna* ***av*** ‘отстегнуть’ – *spänna* ***fast*** ‘застегнуть’: *spänna av/på sig bältet*, ‘расстегнуть/застегнуть на себе ремень’;

· *ta* ***av*** ‘снять’ – *ta* ***på*** ‘надеть’: *ta av/på sig*, ‘раздеться/одеться’.

Важно заметить, что дефиниция приведенного ЛСВ глагола *dra av* в словаре отсутствует, но в корпусе этот ЛСВ встречается. В примере выше он употреблен как интерпретирующий по отношению к глаголу *klä av*, но у него есть и еще более прямое значение:

Dra av skinnet medan kroppen är varm, ‘Стягивай шкуру, пока тушка теплая’.

Очевидно, отсутствие этого ЛСВ в словаре говорит о том, что его значение легко выводится из семантики компонентов по отдельности.

Следовательно, на данном этапе можно предположить, что значение ликвидации контакта воспринимается как «прямое» значение частицы *av*.

2ая подгруппа. В случае с глаголами этой подгруппы невозможно заменить частицу *av* на антонимичную частицу, чтобы получить глагол, обратный данному (не существует, например, слова **såga ihop* ‘припилить’). Это связано с тем, что семантика глагольных компонентов ЛСВ этой подгруппы обладает особой спецификой: чтобы отменить изменение, каузированное теми действиями, которые обозначают эти глаголы, необходимо прибегать уже к мерам иного рода. Другими словами, глаголы обозначающие действия, «обратные» данным, будут иметь иной корень: *bryta* – *laga* ‘ломать – чинить’ и т.п. Тем не менее, мы можем заменить исходную частицу *av* на частицы с другой семантикой, дабы продемонстрировать, что у действий с глагольными компонентами этой подгруппы может быть разный результат, и эти глаголы без частицы обозначают образ действия.

Однако, прежде чем проделать эту операцию, необходимо прокомментировать решение отнести глагол *bryta av* к этой группе, ведь, по Ч. Филлмору [Fillmore 1970], англ. *break* – это классический глагол результата, а не образа действия. Дело в том, что семантика английского и шведского глагола со значением ‘ломать’ не вполне совпадает, что отражено в их словарных дефинициях:

Oxford languages, *break*	**Svenska Akademiens orbok**, *bryta*
‘распасться или заставить распасться на части в результате толчка, удара или давления’	‘(сильно сгибая) заставить лопнуть’

Из приведенных дефиниций видно, что шведский глагол обладает более узкой, специфической семантикой, поскольку подразумевает достижение результата в ходе конкретного вида деятельности. В семантике же аналогичного английского глагола сема образа действия имеет второстепенное

значение (она четко не определена) и может варьироваться, ведь у него доминантой является вовсе не сема образа действия, а, напротив, сема результата.

Итак, докажем, что глагольный компонент ЛСВ данной группы не указывает на конкретный результат действия, а описывает образ действия, итог которого может быть разным:

· *bryta* ***av*** ‘отломить’ – *bryta* ***upp*** ‘выломать’: *bryta av en gren*, ‘отломить ветвь’, *bryta upp en dörr*, ‘выломать дверь’;

· *bita* ***av*** ‘откусить’ – *bita* ***ihop*** ‘стиснуть зубы’: *bita av en tand* ‘кусая, сломать зуб’, *bita ihop (tänderna)* ‘стиснуть зубы’;

· *skära* ***av*** ‘отрезать’ – *skära* ***upp*** ‘разрезать’: *skära av en skiva* ‘отрезать ломтик’, *skära upp brödet* ‘разрезать хлеб’;

· *slå* ***av***[3] ‘сбить’ – *slå* ***in*** ‘выбить’: *slå av toppen på flaskan* ‘отломть горлышко бутылки ударом’, *slå in fönsterrutan* ‘выбить стекла из окон (внутрь)’.

· *såga* ***av*** ‘отпилить’ – *såga* ***isär*** ‘распилить’: *såga av grenen* ‘отпилить ветвь’, *såga isär trädet* ‘распилить дерево’.

Первая схема сдвига диатезы

Общую актантную схему этих глаголов можно представить следующей схемой глагола с семантикой достижения Схема дана по [Rappaport, Levin 1998], где *x* – субъект, а *y* – объект (пациенс):

[[x ДЕЙСТВИЕ$_{<\text{образ действия}>}$] КАУЗИРУЕТ [СТАТЬ [y <СОСТОЯНИЕ>]]

У некоторых глаголов эта схема усложняется введением третьего актанта – инструмента, например:

---

[3] Данный ЛСВ глагола *slå av* отсутствует в словаре, что свидетельствует о выводимости его значения из совокупности семантики компонентов.

a. *skära av* ***med en vass kniv***, ‘отрезать **острым ножом**’.

Кроме того, у глагола *lasta av* в качестве прямого дополнения может выступать семантический актант как со значением объекта (a), так и со значением источника (b) (названия актантов по [Апресян 1995: 120-121]):

b. *lasta av utrustningen*, ‘разгрузить оборудование’;

c. *lasta av bilen* ‘разгрузить машину’.

Примеры регулярной полисемии типа (a) не являются предметом нашей работы, так как они уже подробно описаны в научной литературе [см. Кустова 2004] и, судя по всему, являются типичными для многих языков. Нас же интересует другие схемы смещения диатезы, имеющие непосредственное отношение к изменению внутренней структуры глагола с частицей. Это касается в том числе примеров (a) и (b).

Первая схема смещения диатезы

Проиллюстрируем этот вид диатетического сдвига на примере глагола *bryta av:*

a. *bryta* ***av*** *nacken* ***på*** *abborre*, ‘отломить голову окуня’;

b. *bryta nacken* ***av*** *abborre*, ‘отломить голову окуню’.

Как видно, у этих тождественных по значению словосочетаний отличается синтаксическая структура, хотя они оба соответствуют схеме, данной в начале этого параграфа.

Первый пример соответствует всем правилам употребления глагола с частицей. Отметим также, что предложная конструкция *på abborre* ‘окуня’ здесь выполнят функцию атрибута при прямом дополнении *nacken* ‘задняя часть головы’ и, таким образом, не имеет отношения к актантной структуре глагола.

Во втором примере правило неразрывности глагола и частицы нарушается, потому что прямое дополнение помещается между ними. Несмотря на то, что послелог остается под ударением, трактовка его как

приглагольной частицы может быть поставлена под сомнение, потому что теперь он совмещает в себе две функции:

1) несет сему результативности (функция частицы);

2) указывает на место, с которым ликвидируется контакт (функция предлога).

Другими словами, возникает синкретизм, не позволяющий нам однозначно характеризовать этот компонент ни как частицу, ни как предлог.

Подобные синтаксические преобразования возможны еще для нескольких глаголов этой группы (в основном для глаголов второй подгруппы):

· **bita av:** *bita **av** handen på den som ljuger,* ‘откусить руку того, кто врет’ – *bita tänderna **av sig** på grovbröd* ‘сломать (досл. откусить) себе зуб о цельнозерновой хлеб’

· **slå av:** *slå **av** kepsen från Olles huvud,* ‘сбить кепку с головы Улле’ – *slå kepsen **av** huvudet på Olle,* ‘сбить кепку у Улле с головы’;

· **såga av**: *såga **av** grenar på en lönn*, ‘отпилить ветки клена’ – *såga benen **av** heliga kor*, ‘отпиливать ноги священным коровам’[4];

· **skära av:** *skära **av** bitarna på tejpen*, ‘отрезать кусочки скотча’ – *skära locket **av** vetebullen*, ‘срезать верхушку с пшеничной булки’.

Итак, подобный сдвиг диатезы на основе метонимического переноса является первым видом регулярной многозначности, который был обнаружен у глаголов с частицей *av*. Согласно нашему предположению, подобные сочетания, где послелог одновременно берет на себя функции частицы и предлога являются результатом лексико-синтаксической компрессии в целях большей компактности речи.

[4] Пример взят из статьи в издани «Гетеборгс-Постен». URL: https://www.gp.se/kultur/mikael-van-reis-att-s%C3%A5ga-benen-av-heliga-kor-1.1105872 (Дата обращения: 14.04.2023)

Вторая схема смещения диатезы

Вторая регулярная схема смещения диатезы уже многократно была описана лингвистами как замена валентности «объект» на валентность «место» («источник») в синтаксической позиции прямого дополнения: *lasta av* ***utrustningen***, ‘разгрузить **оборудование**’ – *lasta av* ***bilen*** ‘разгрузить **машину**’.

Для большинства глаголов первой подгруппы употребление актанта места как прямого дополнения является не просто вариантом диатезы, а единственным способом употребления. Причем в случаях синтаксической реализации обоих семантических актантов валентность «объект» следует за валентностью «источник»:

· **ta av:** *ta av sig kappan* ‘снять (с себя) пальто’;

· **dra av**: *dra av sig byxorna* ‘стянуть с себя штаны’;

· **spänna av:** *spänna av sig ena skidan* ‘отстегнуть (с себя) одну лыжу’;

· **klä av:** *klä av barnen* ‘раздеть детей’, *klä av sig* ‘раздеться’, *klä av sig skjortan* ‘снять с себя рубашку’.

При подобном диатетическом сдвиге частеречную принадлежность послелога так же, как в предыдущем случае, имеет смысл поставить под вопрос, так как он снова одновременно совмещает в себе функции и частицы, и предлога, указывающего на место, с которым ликвидируется контакт.

Еще явственнее проступает синкретизм послелога в сочетании *koppla av*, но прежде чем привести примеры, нам нужно дать к этому глаголу краткий комментарий.

Мы настаиваем на том, что то значение, которое принимает частица *av* во всех глаголах этой группы, является буквальным (насколько это возможно в случае столь абстрактных частей речи, как предлог или частица), а семантика самих глаголов лежит в сфере физической реальности. Это не относится, однако, к тому ЛСВ, который мы имеем в виду в связи с глаголом *koppla av.*

Исходно это слово значит «отсоединять/отключать», но оно получило переносное значение:

a. *Han gillade att vara ute i naturen och* ***koppla av från*** *vardagslivet* ‘Он любил проводить время на природе и отдыхать (досл. ‘отключаться’) от повседневной жизни’;

b. *Ute till sjöss kan jag helt* ***koppla av*** *de vardagliga sysslorna* ‘В плавании я могу полностью отдохнуть (досл. ‘отсоединиться’) от повседеневных занятий’.

Как видно, в примере (b) послелог заменяет собой предлог *från***,** который наличествует в предложении (a). Очевидно, что эллипсис предлога мотивирован желанием сделать высказывание более лаконичным и, таким образом, здесь мы снова имеем дело с лексико-семантической компрессией.

Судя по всему, несмотря на переносное значение сочетания в целом, частица *av* все еще воспринимается в своем буквальном значении ликвидации контакта и, таким образом, продолжает обладать относительной синтаксической самостоятельностью. Наконец обратим внимание на то, что в примерах (a) и (b) *koppla av* использован как непереходный глагол – это следующий этап его семантической деривации после приобретения переносного значения. В корпусе нами был зафиксирован и промежуточный вариант (когда значение уже переносное, но глагол еще переходный):

De kan inte ***koppla av tankarna från*** *jobbet även på fritiden* ‘Они не могут освободить (досл. ‘отсоединить’) мысли от работы даже в свободное время’.

Также переносное значение с сохранением относительной синтаксической самостоятельности частицы выявил глагол *lasta av*:

Jag har fått i uppdrag att under tiden hon jobbar där lasta ***av*** *henne lit*e, ‘Я получил задание на время ее работы там иногда помогать ей (досл. 'разгружать ее') ’.

Итак, в первую, самую большую, группу глаголов со значением отделения вошли глаголы с семантикой ликвидации непосредственного

контакта и два примера переносного значения подобного глагола. Они обнаружили два вида регулярной семантической деривации. Кроме того, при употреблении с глаголами этой группы компонент *av* в определенных конструкциях обнаруживал свойства как частицы, так и предлога. Это позволяет говорить о его относительной семантической самостоятельности и буквальности значения.

2.2.2 Вторая группа ЛСВ: Утрата физического контакта с местом

Внутренняя структура глаголов этой группы отличается от предыдущей, поскольку они обозначают процесс (т.е. инагентивную деятельность) или событие (инагентивное действие). Исходный глагольный компонент имеет семантику неконтролируемого движения, т.е. глагол непереходный. Семантику частицы охарактеризуем как 'утрата непосредственного физического контакта с местом. Резюмируя, приведем схему структуры глагола:

$V_{<\text{неперех.+образ действия+движние}>}$ $av_{<\text{утрата контакта с местом}>}$.

Общее нетривиальное значение глаголов этой группы можно понимать как неконтролируемое движение в процессе и/или после утраты контакта с местом. Прослеживается синкретизм частицы.

Описание глаголов

Эта группа малочисленна и включает в себя всего 2 ЛСВ. Очевидно, что исходные глаголы передают семантику образа движения, поскольку *falla* 'падать' конкретизирует его направление (т.е.вниз), а *rinna* 'течь' сообщает, что субъект является жидкостью. В некоторых контекстах *falla* и *rinna* (без частицы) могли бы передавать семантику состояния, но в рассматриваемых сочетаниях они обозначают процесс, в результате которого произошло некое событие, повлекшее за собой новое состояние субъекта.

- ***falla av*** - ‘упасть/выпасть’;
- ***rinna av*** – ‘стекать’.

Синкретизм частицы

Диатетического сдвига в строгом смысле слова у этих ЛСВ обнаружено не было, однако способ присоединения семантического актанта со значением «место» показал ту же вариативность, что и в случае некоторых ЛСВ из первой группы.

falla av: *kökskåp höll på att falla **av från** väggen* ‘кухонный шкаф отваливался от стены’– *han höll på att falla **av** stolen* ‘он чуть не упал со стула’;

rinna av: *regn rinner **av från** taket* ‘дождь стекает с крыши’ – v*attnet hann inte rinna **av** taket* ‘вода не успела стечь с крыши’.

Итак, синтаксическое поведение послелога *av* в значении «утрата контакта с местом» также обнаруживает синкретизм, проявляя свойства как частицы, так и предлога.

Примечание:

1. Прежде чем перейти к следующей группе глаголов, отметим, что в переносном значении у обоих глаголов этой группы ключевой является именно семантика результата неконтролируемого процесса:

*kritiken rinner av honom '*ему вся критика нипочем*';*

mormor har fallit av mycket de senaste åren – 'бабушка сильно сдала за последние годы'.

2. Позволим себе также обратить внимание на любопытный пример семантической деривации на основе метонимического переноса первоначального ЛСВ глагола *rinna av* (представленное ниже значение не зафиксирован в словаре):

Skölj bären och låt dem rinna av 'Сполосните ягоду и дайте воде стечь'.

Так, формальная валентность субъекта у этого глагола занята семантическим актантом места (т.е. существительным «ягода»), а семантический (инактивный) субъект «вода» оказывается инкорпорирован в значение самого глагола. Это пример явной инкорпорации (по [Шустова 2025]).

У следующих двух групп глаголов смещение диатезы не прослеживается, поэтому они представляют для нас меньший интерес, чем две предыдущие группы. Мы охарактеризуем их менее подробно.

2.2.3 Третья группа ЛСВ: Разграничение пространства

Эта группа включает в себя 3 ЛСВ:

spärra av: *polisen spärrade av vägen med bommar* 'полиция перекрыла дорогу шлагбаумом';

skärma av: *skärma av ett hörn med ett vackert tygstycke* 'закрыть угол красивым полотном';

stänga av: *stänga av ett område*, 'перекрыть район'.

Значение глагольных компонентов ЛСВ третьей группы очень сложно, поскольку оно включает в себя семы результата, образа действия (в корень каждого глагола явно или неявно инкорпорирован инструмент или средство). Кроме того, все они являются переходными глаголами.

Значение частицы здесь становится более абстрактным, поскольку сема ликвидации физического контакта трансформируется в семантику пространственного разграничения, то есть условного разграничения, о котором свидетельствует некий знак (турникет или монитор). О ликвидации или утрате физического контакта между предметами здесь нет речи.

Глагол *stänga av* представляет интерес поскольку его значение возникло в результате метафорического переноса. Неявно инкорпорированный в семантику исходного глагола инструмент «дверь» перестает быть реальным семантическим актантом ситуации, которую задает глагол с частицей *stänga av*, но значение 'закрытое пространство' остается как переносное.

Регулярного диатетического сдвига у этой группы глаголов обнаружено не было, что связно с бóльшей степенью лексикализации данных сочетаний по сравнению с двумя предыдущими группами. О большей лексикализации ЛСВ этой группы свидетельствует два фактора:

— С одной стороны, ослабевает самостоятельное значения частицы, поскольку она уже не несет собственного значения, а лишь усиливает некоторые семы глагольного компонента;

— С другой стороны, что видно из примера с глаголом *stänga av*, в глаголах этой группы может наблюдаться также ослабление значения глагольного компонента, его метафоризация.

Эти два фактора могут затруднять выводимость значения глагола с частицей из значений компонентов, в связи с чем последние теряют синтаксическую независимость.

2.2.4 Четвертая группа ЛСВ: Ликвидация контакта с местом при движении изнутри наружу

В этой группе насчитывается 5 ЛСВ, принадлежащих семантическому полю «Выстрел» и являющихся синонимами:

slå av: *slå av ett skott*, 'выстрелить';

smälla av: *smälla av fyrverkirier* 'запустить фейерверк';

fyra av: *fyra av en salva* 'произвести оружейный залп', *fyra av ett skott* 'выстрелить';

bränna av: *bränna av en raket* 'запустить ракету', *bränna av ett fyrverkeri* 'запустить фейерверк';

brösta av: *brösta av kanonerna 'выстрелить из пушек'.*

Глагольные компоненты данных ЛСВ относятся к классу глаголов действия и являются переходными. Среди них обнаруживаются две пары синонимов: *slå* 'бить' – *smälla* 'хлопнуть, *fyra* 'разжечь' – *bränna* 'поджечь', однако вне синонимических пар ЛСВ отнюдь не близки по значению (например, *smälla* ≠ *fyra*). Дефиниция глагола *brösta* отдельно в словаре отсутствует, но известно, что его этимология восходит к существительному

bröst 'грудь'[5]. Несмотря на существенную разницу семантики исходных глагольных компонентов (*brösta* ≠ *bränna* ≠ *slå*), при присоединении частицы *av* данные ЛСВ становятся синонимами, причем нередко легко взаимозаменяемыми, что следует из примеров выше. Семантика частицы же усложняется, приобретая значение движение изнутри наружу с целью резкой ликвидации контакта с местом. Нетривиальное общее значение данной группы ЛСВ заключается в каузации такого движения.

Очевидно, что значение частицы в сочетаниях этой группы не является прототипическим, поскольку «в исходном значении [слова], сочетаемость семантическая и предполагает открытый и, таким образом, довольно широкий класс объектов» [Кустова 2000: 91], здесь же мы наблюдаем скорее фразеологическую сочетаемость, поскольку объектами для этих глаголов с частицей могут выступать только существительные семантического из поля «Выстрел».

Регулярного смещения диатезы у глаголов этой группы обнаружено не было, что связано с высокой степенью лексикализации рассматриваемых ЛСВ, поскольку по причинам, описанным выше, значение ЛСВ данной группы не выводится из семантики компонентов.

Примечание

Для всех ЛСВ этой группы, кроме *slå av*, характерна семантическая деривация на основе метафорического переноса, в результате которой они становятся эмотивными глаголами. Причем синонимия, свойственная прямым значениям этих глаголов, сохраняется и на уровне переносных значений. Например, в корпусе были зафиксированы ЛСВ, вводящие эмоциональное высказывание (т.н. эмотивные глаголы речи):

---

[5] Словарь Шведской академии. Глагол *brösta.* URL: https://www.saob.se/artikel/?unik=B_4445-0072.Mi8x&pz=3 (Дата обращения: 12.05.2023)

bränna av: *Hon brände av frågan direkt: "Hur är det med dig egentligen?"* 'Она тут же выпалила: «Ну *так как ты?»';*

smälla av: *Han höll på att smälla av, "Har du haft dem hela tiden?"* 'Она чуть не выпалила: «И они все это время были у тебя?»'.

А также ЛСВ, выражающий сильное эмоциональное переживание (*smälla av*), и ЛСВ, передающий внешнее проявление эмоционального отношения (*fyra av*):

smälla av: *Då var han så nervös att han höll på att smälla av* 'Он тогда так нервничал, что его разрывало изнутри'**,** *Klänningarna var så vackra att jag smällde av* 'Платья были такие красивые, что меня распирало';

fyra av: *Han fyrade av ett bländande leende* 'На его лице показалась ослепительная улыбка'.

Выводы

Итак, в этой части работы были проанализированы семантичиские и синтаксические свойства 21 глагола с частицей *av*, чье значение связано с изменениями в физической действительности. Лексемы были разделены на 4 группы, в каждой из которых частица *av* имплицировала следующее:

— 1 группа: ‘ликвидация непосредственного физического контакта’;

— 2 группа: ‘утрата физического контакта с местом’;

— 3 группа: ‘разграничение пространства’;

— 4 группа: ‘движение изнутри наружу с целью резкого прерывания контакта’.

Ниже представлены результаты по поиску диатетического сдвига при употреблении ЛСВ каждой из групп:

1 группа	2 группа	3 группа	4 группа
Обнаружено 2 схемы сдвига диатезы	Не обнаружено сдвига диатезы, но налицо синкретизм частицы	Не обнаружено	Не обнаружено

Возможность смещения диатезы у первой группы ЛСВ и синкретизм частицы у второй группы говорит об относительной синтаксической и семантической самостоятельности глагола и частицы в ЛСВ этих групп. Таким образом, значение частицы, которое она принимает в подобных сочетаниях, можно считать исходным.

Заключение

В работе было представлено разностороннее описание глагола с частицей как единого явления и приглагольной частицы отдельно. Была описана проблематика изучения глагола с частицей и приведены основные точки зрения лингвистов на трактовку этого понятия. Поскольку нашей целью было определение схем семантической деривации подобных лексем, то мы рассматривали это явление не как фразеологические единства, а как сочетания, состоящее из относительно свободных компонентов.

Чтобы анализировать семантику глаголов с частицей, мы ознакомились с понятийным аппаратом в области семантической деривации, изучили виды полисемии и некоторые закономерности, по которым происходит семантическое словообразование в сфере глаголов.

Для проведения исследования с помощью «Словаря Шведской академии» и языкового корпуса исследовательского центра «Спрокбанен Текст» был отобран языковой материал для анализа. Произведенный анализ принес следующие результаты:

— Была подробно проанализирована внутренняя структура и форма глаголов с частицей *av*, имплицирующих значение отделения;
— У одной из групп глаголов с частицей *av* было выявлено два вида регулярной многозначности;
— Мы конкретизировали прототипическую семантику частицы *av*, сформулировав ее как «утрата контакта с местом» и «ликвидация контакта с местом»;
— Были описаны некоторые случае нерегулярной семантической деривации глаголов с частицей *av*.

Список использованной литературы

1. *Аминова А.А.* Семантическая глагольная деривация в русском и татарском языках// Труды Математического центра имени Н.И.Лобачевского. — Т.4. — Компьютерная лингвистика: Казанское математическое общ-во. Материалы школы-семинара. — Казань: УНИПРЕСС, 1999. — С.6-12.

2. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. — 2 изд. М.: Языки русской культуры, 1995. —Т.1. — 480 с.

3. *Богданова С.Ю.* Один из подходов к проблеме словообразования // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика. – 2007. — Т. 5., Вып. 1 — С. 109-113.

4. *Боргоякова Т.Н.* Роль частицы в системе глагольных категорий в тюркских языках южной Сибири // Казанская наука. — Казань: Рашин Сайнс, 2019. — № 9. — С. 102-104.

5. *Виноградов В.В.* Лексикология и лексикография. Избранные труды. — М.: Наука, 1977. — С. 140-161.

6. *Гуськова А.П.* К вопросу о сопоставительном изучении частей речи в русском и венгерском языках // Ежегодник финно-угорских исследований. — Ижевск: УГУ, 2020. — № 2. — С. 395-404.

7. *Жуков А.В.* О мотивировке и выводимости фразеологизмов // Мир русского слова. — 2013. — №2. — С. 9-13.

8. *Золотова Г.А.* Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. — М.: Филологический факультет МГУ им. Ломоносова, 1998. — 528 с.

9. *Кобзева И.М.* Лингвистическая семантика: Учебное пособие. — М.: Эдичориал УРСС, 2000. — 352 с.

10. *Кунин А.В.* Фразеология современного английского языка. — М.: Международные отношения, 1972. — С. 6-8.

11. *Кустова Г.И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 472 с.

12. *Ливанова А.Н.* О некоторых вторичных функциях терминов пространственной локализации по вертикали // Скандинавская филология. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 1999. — Вып. 6. — С. 80-92.

13. *Массалина И.П.* Категория Сателлитов. Структура и семантическая организация // Известия КГТУ. — 2009. — №16. — С. 235-240.

14. Падучева Е.В., Розина Р.И. Семантический класс глаголов полного охвата: толкование и лексико-синтаксические свойства // Вопросы языкознания. — М.: Наука, 1993. — № 8. — С. 5-16.

15. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. — М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.

16. Пименова М.В. Семантическая деривация и синкретизм // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2012. — Т. 154, кн.5.— С. 132-136.

17. Плотникова А.М. Когнитивные стратегии семантической деривации глаголов (на материале глаголов социальных действий и отношений) // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2007. — № 2(11). — С. 81-86.

18. Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. — М.: Наука, 2013. — № 2. — С. 3-31.

19. *Титов В.Г.* Квантитативные характеристики частей речи в романских языках: Часть II // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2002. — № 2. — С. 118-134.

20. *Фурер О.В.* Семантика глаголов действия и их дериватов в лингвокогнитивном аспекте: автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. — Ульяновск, 2005. — 28 с.

21. *Хакимзянова Д.Ф*. Семантическая деривация глаголов физического воздействия на объект в русском, татарском и английском языках: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / КФУ им. Ульянова-Ленина. — Казань, 2008. — 200 с.

22. Шустова С. В. Смирнова Е.А. Теория глагольной валентности в отечественной и западной научной парадигмах // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. Серия: Филология. — 2015. — Т.1, №2. — С. 119-128.

23. *Юшкова, Л.А.* Глагольные единицы с предложными частицами в немецкой разговорной лексике: к вопросу об их словообразовательном статусе и специфике // Мир лингвистики и коммуникации. — 2015. — №4. — S. 1-11.

24. *Юшкова Л.А.* Синкретические явления в глагольной лексике современного немецкого языка // Мир науки, культуры, образования. — 2015. — № 5 (54). — С. 382−387.

25. *Anward J., Linell P.* Om lexikaliserade fraser i svenskan // Nysvenska studier: tidskrift för svensk stil- och språkforskning.— Linköping: Linköping University Electronic Press, 1975. — Vol. 55-56. — S. 77-119ю

26. *Beavers J., Koontz-Garboden A.* Manner and Result in the Roots of Verbal Meaning // Linguistic Inquiry. — Cambridge: MIT Press, 2012.— Vol. 43, № 3. — P. 331–369.

27. *Dehé, N.* Particle verbs in Germanic // Word-formation: an international handbook of the languages of Europe. — 1 uppl. B.: De Gruyter Mouton, 2015. — Vol. 1. — S. 611-626.

28. *Fillmore, C.J.* The Grammar of Hitting and Breaking // Readings in English Transformational Grammar. — Ginn: Waltham, MA, 1970. — P. 120-133.

29. *Grimshaw, J.* Semantic Structure and Semantic Content in Lexical Representation // Words and Structure. — Stanford: CSLI Publications, 2005. — P. 75-89.

30. *Josefsson G.* Nycklar till grammatik / G. Josefsson, K. Lundin. — 1 uppl. Lund: Studentlitteratur, 2018. – S. 158-161.

31. *Lieri K.* Stå på, ikke gi opp – the use of Norwegian particle verbs in email messages by advanced L2 users whose L1 is Finnish // Apples: Journal of Applied Language Studies. Jyväskylä: University of Jyväskylä, Centre for Applied Language Studies, 2020. — Vol.14, 2. — P. 107-127.

32. *Malmgren S.-G.* Svensk lexikologi. Ord, ordbildning, ordböcker och orddatabaser. — Lund: Studentlitteratur, 1994. — S. 32-46.

33. *Norén K.* Partikelverb och lexikon: kriterier för att finna lexikaliserade partikelverb // Nordiske studier i lexikografi. Rapport fra Konference om *E.* Sköldberg. — Reykjavik: Nordisk förening for leksikografi, 1995. — N.3. — S. 321-330.

34. *Petersson S., Sköldberg E.* Semantic change in Swedish – from a lexicographic perspective // Computational approach to semantic change. — Berlin: Language Science Press, 2021. — S. 149-167.

35. *Springorum S., Utt J., Schulte im Walde S.* Regular Meaning Shifts in German Particle Verbs: A Case Study // Proceedings of the 10th International Conference on Computational Semantics (IWCS 2013) – Long Papers. — Potsdam: Association for Computational Linguistics, 2013. — S. 228-239.

36. *Strzelecka E.* Svenska partikelverb med in, ut, upp och ner: En semantisk studie ur kognitivt perspektiv: Avhandling för filosofie doktorsexamen i nordiska språk / Uppsala universitet. — Uppsala, 2003. — 298 s.

37. *Sundman M.* Prepositioner som partiklar – ett grammatiskt kontinuum i svenskan? // Byrman G., Gustafsson A., Rahm H. (Red.) Svensson och svenskan. — Lund: Henrik Rahm, 2010. — S. 309-318.

38. *Thorell U.* Att bilda ord. — 2 uppl. Stockholm: Almqvist & Wiksell Förlag AB, 1984. — 138 s.

39. *Thorell O.* Svensk ordbildningslära. — Stockholm: Esselte studium, 1981. — 180 s.

40. *Toivonen I.* Non-Projecting Words: A Case Study of Swedish Particles. – 1 uppl. N.Y.: Springer, 2003. — 252 s.

41. *Vikner S.* Verbalpartikelvariation i de germanske sprog // Ny forskning i grammatik.— 2016. — Vol. 23. — S. 233-252.

Электронные источники

42. *Булыгина Т. В., Крылов С. А.* Оппозиции языковые [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия, 2016. URL: https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2691173 (Дата обращения: 30.04.2023)

43. Падучева Е.В. Система «Лексикограф»: семантический словарь [Электронный ресурс] / Е.В. Падучева, Г.И. Кустова, Р.И. Розина, Е.Н. Хасина. URL: http://lexicograph.ruslang.ru/ (Дата обращения: 19.03.2023)

44. *Levin B.* Root and template in representation of Verb meaning: presentation [Электронный ресурс] / B. Levin. — Stanford university: Department of Lingustic, 2003. URL: https://web.stanford.edu/~bclevin/su03.pdf (Дата обращения: 19.04. 2023)

45. *Levin B.* The Lexical Semantics of Verbs: handouts from lectures [Электронный ресурс] / B. Levin. — Stanford university: LSA Linguistic institute, 2007. URL: http://web.stanford.edu/~bclevin/lsa07.html (Дата обращения: 23.04. 2023)

46. *Levin B.* Lexical Semantics of Verbs: handouts from lectures [Электронный ресурс] / B. Levin. — Berkeley: Linguistic Institute, 2009. URL: https://web.stanford.edu/~bclevin/lsa09.html (Дата обращения: 23.04. 2023)

47. *Talmy L.* Toward a Cognitive Sematics. — Cambridge, MA: MIT Press. — 2000. — T.2. — 495 p. URL: https://www.acsu.buffalo.edu/~talmy/talmyweb/TCS.html (Дата обращения: 22.05.2023)

48. *Teleman U.* Svenska Akademiens Grammatik. — Stockholm: Norstedts. — 1999. — Vol. 2, 3, 4. URL: https://svenska.se/grammatik/ (Дата обращения: 25.01.2023)

49. *Vendler Z.* Linguistics in Philosophy. — Ithaca and London: Cornell University Press, 1967. — 232 p. URL: https://archive.org/details/linguisticsinphi00vend_0/page/n5/mode/2up (Дата обращения: 08.05.2023)

Языковой материал взят из

50. *Borin L., Forsberg M., Roxendal J.* Korp – the corpus infrastructure för språkbanken // Proceedings of LREC. — Istanbul: ELRA, 2012. — p. 474–478. URL: https://gup.ub.gu.se/publication/156080?lang=sv (Дата обращения: 12.02.2023)

51. Шведский словарь, изданный Шведской Академией. URL: https://www.svenskaakademien.se/svenska-spraket/svensk-ordbok-utgiven-av-svenska-akademien-so (Дата обращения: 10.02.2023)